

К этому моменту он не мог с уверенностью сказать, был ли его поступок правильным или ошибочным. Однако Ци Линь никогда не жалел о принятых решениях — ни в бизнесе, ни в личных делах.

Но сегодня он не знал, как встретиться с человеком, чья внешность так сильно напоминала его покойного брата Юй Ханя, но который при этом носил его ребенка. К тому же настроение у него было скверное, и тон вышел резким.

Юй Хань стоял под зонтом на улице уже довольно долго, и силы начали покидать его. Он уже решил было, что заглянет на мгновение и уйдет, но неожиданно к нему подошел какой-то человек и заговорил. Судя по тону, они, казалось, были знакомы.

Юй Хань долго ломал голову: зачем кто-то, знающий «Юй Ханя», пришел на похороны «Ло Юй Ханя»? Ведь этого человека он точно не знал, когда был Ло Юй Ханем. Осторожности ради он не ответил.

Ци Линь сильно изменился за последние четырнадцать лет — внешностью и аурой он стал совершенно другим. Неудивительно, что Юй Хань его не узнал. Ци Линь же благодаря тайному наблюдению за Ло Юй Ханем был в курсе его дел.

Увидев, что Юй Хань молчит, и заметив его бледную руку, сжимающую ручку зонта, Ци Линь глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и сказал:

— Это из-за той ночи? Давай сядем в машину.

Юй Хань колебался, но все же последовал за ним. Причина была проста: он стоял слишком долго, шов начал болеть, а ноги подкашивались. Если бы он не сел сейчас, то, боялся, просто потеряет сознание.

Ци Линь шел впереди. У него был широкий шаг, и, хотя он не спешил, двигался быстро. Юй Ханю стоило сделать шаг чуть шире, как казалось, что рана вот-вот разойдется. Ему пришлось мелкими шажками медленно продвигаться вперед. Ци Линь уже почти вышел из ворот, когда заметил, что тот отстал. Вспомнив, что Юй Хань недавно перенес серьезную операцию, он вернулся и поддержал его под локоть. Юй Хань, перенеся большую часть веса на Ци Линя, тихо выдохнул с облегчением и только тут заметил, что у того нет зонта, а пиджак уже промок насквозь.

Даже промокнув под дождем, этот человек не выглядел ни капли растерянным.

Юй Хань протянул ему зонт. Ростом он не дотягивал до ста восьмидесяти сантиметров, и чтобы укрыть двоих, пришлось бы поднять зонт слишком высоко, а у него сейчас просто не было на это сил.

Ци Линь взял зонт, в левой руке держа его над ними, а правой поддерживая Юй Ханя, и они направились сквозь сгустившийся дождь к выходу из ритуального зала.

Юй Хань так и не зашел внутрь, лишь на повороте молча оглянулся, чтобы бросить последний взгляд на зал прощания.

Машина Ци Линя стояла на подземной парковке — черный Maybach. Он открыл дверь, усадил Юй Ханя, а сам обошел кузов и сел за руль.

Глядя на бледное лицо Юй Ханя, Ци Линь спокойным тоном произнес:

— Если дело в той ночи, можешь не волноваться. Я уже оформил доверенность. В следующий раз больница будет звонить мне.

Юй Хань на мгновение задумался и понял, что речь идет о ночи на двенадцатое число, когда его доставили на экстренную операцию. Он уже узнал подробности того случая, и отношение к той женщине у него было отвратительное. Хотя, если бы не ее действия, он бы и не возродился, но такое пренебрежение жизнью, когда нерожденный ребенок ценится выше, чем живой человек, вызывало у него тошноту.

Но зачем он сказал это? Зачем ему нужно было право решающего голоса? Кем он приходится Юй Ханю?

Юй Хань опустил голову и подыграл ему:

— А ты подпишешь?

Ци Линь ответил:

— Этот ребенок для меня не так важен.

Юй Хань сжал губы и с опаской спросил:

— Твой родной ребенок тоже не важен?

Ци Линь со смешанным чувством взглянул на его явным образом округлившийся живот. На самом деле, это была лишь вторая встреча с Юй Ханем. Тогда в больнице он передал врачу подготовленные документы и сразу ушел. Ни к этому человеку, ни к ребенку у него не было реальных чувств, поэтому говорить о любви или антипатии было рано.

— Он не настолько важен, чтобы я ради него отказался от своих принципов.

Значит, этот человек действительно был отцом ребенка. Но, похоже, ребенок ему был не мил. С самого начала он лишь бегло взглянул на живот Юй Ханя, не проявив ни малейшего интереса или заботы, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться или послушать сердцебиение. Юй Хань почти уверен, что по какой-то причине мать этого человека заставила его прибегнуть к суррогатному материнству.

Но в любом случае, по сравнению с его матерью, у этого человека хотя бы была совесть. Юй Хань совсем не хотел доверять свою жизнь его матери. Ему удалось вернуться в этот мир, и он не собирался погибать из-за ребенка.

Ци Линь, решив, что сказал всё необходимое, завел мотор и выехал с парковки:

— Я отвезу тебя в больницу.

Юй Хань не мог упустить этот шанс. Он пристегнул ремень безопасности — в этой жизни он уже никогда не забудет это делать — и обратился к водителю:

— Я могу с вами связаться?

Он не знал, есть ли у него контакты этого человека, поэтому спросил так.

Ци Линь холодно отозвался:

— Зачем тебе со мной связываться?

Юй Хань замер, осознав, что биологический отец относится к нему и ребенку с еще большим безразличием, чем он полагал.

Ци Линь, глянув в правое зеркало заднего вида, заметил опустошенный вид Юй Ханя и вдруг почувствовал укол вины. Хотя их отношения были деловыми, суррогатное материнство отличалось от обычной сделки. Его ребенок нес в себе кровь Юй Ханя, и, судя по всему, не стоило относиться к нему с той же холодностью, что к постороннему. Тем более Юй Хань недавно чуть не погиб по вине его матери.

Поэтому он смягчил тон и, достав из бардачка визитку, протянул ее Юй Ханю:

— Если будет необходимость — можешь.

Юй Хань поблагодарил, взял визитку и достал телефон, чтобы внести номер. Однако, увидев имя на карточке, он застыл.

Это имя было ему слишком хорошо знакомо. В детстве тот малыш даже не умел держать ручку и злился, когда не получалось написать свое имя. Именно Юй Хань брал его мягкую ладошку в свою и водил ею по бумаге, уча Ци Линя писать каждую черточку.

Внезапно он понял, откуда взялось это непонятное чувство знакомства и доверия к этому человеку.

Юй Хань ошеломленно обернулся, разглядывая профиль Ци Линя. Он изменился до неузнаваемости. Детское лицо теперь стало угловатым и мужественным, в чертах читалась зрелость, совершенно непохожая на того мальчика, который когда-то прятался в комнате и не хотел провожать его.

Но приглядевшись, в нем все еще можно было узнать черты того ребенка. Теперь его присутствие на похоронах обретало смысл.

Юй Хань судорожно сжал качественную визитку. Чувства в его сердце смешались, как весенний тополиный пух, и он не знал, плакать или смеяться, лишь без конца повторял про себя: «Судьба-злодейка».

Судьба-злодейка. Его семилетние отношения с парнем, к свадьбе с которым он уже готовился, рухнули из-за измены с его сводной сестрой.

Судьба-злодейка. Он был уверен, что умрет, но возродился в чужом теле.

Судьба-злодейка. Он наконец встретил своего давнего друга детства, но теперь носит в себе его ребенка.

Судьба-злодейка. Тетя Сюй Мэй, которая в детстве каждый день гладила его по голове и угощала сладостями, стала такой холодной и жестокой женщиной, буквально убившей прежнего хозяина этого тела.

Как же ему прожить эту вторую жизнь, подаренную небом?

Машина выехала на трассу и плавно понеслась по шоссе, скрытому дождевой завесой. «Дворники» ритмично разгоняли воду на лобовом стекле, то открывая, то снова скрывая вид.

Ци Линь не включил музыку, в салоне стояла тишина. Легкий аромат автомобильного освежителя воздуха разносился по машине — успокаивающий, холодный и благородный. Но Юй Хань не мог справиться с внутренним смятением. Он сидел, глядя на пролетающие мимо окна улицы, скрытые дождем, и вдруг почувствовал, будто время и пространство перепутались. Казалось, что мимо проносились не деревья и дома, а его нелепая, абсурдная жизнь.

Он погрузился в думы на так долго, что лишь когда моргнул, почувствовал, как по щеке скатилась горячая слеза. Он поспешно стер ее и в душе посмеялся над собой: взрослый мужчина, почти тридцать лет проживший, и распустил нюни из-за такой ерунды.

<http://bllate.org/book/16423/1488120>